

Александр Солженицын в Рязани

В 1957 г. из Владимирской области в Рязань переезжает недавний политический заключенный, учитель физики и математики Александр Исаевич Солженицын¹.

Он поселяется в квартире своей жены, преподавателя Рязанского сельскохозяйственного института Натальи Алексеевны

¹ Александр Исаевич Солженицын родился 11 декабря 1918 г. в Кисловодске. В 1941-м окончил факультет Ростовского университета. В 1939-1941 гг. параллельно физмату учился на заочном отделении Московского института истории, философии, литературы. Зимой 1941-42 гг. — в армии, ездовой. Окончил курс артиллерийского училища. С ноября 1942-го по февраль 1945-го — на фронте, командир разведывательной артиллерийской батареи. В 1945-м арестован на основании цензурных извлечений из переписки со школьным другом, главным образом, за непочтительные высказывания о Сталине, а также за наброски рассказов и рассуждений. Приговорен решением Особого совещания НКВД к 8 годам лагерей. Срок отбывал сначала в исправительно-трудовых лагерях смешанного типа, в 1946 г. как математик был переведен в «шарашки» — систему научно-исследовательских институтов МВД-МГБ, где работали заключенные. В 1950 г. был этапирован в особые лагеря для политических заключенных. В таком лагере в г. Экибастуз в Казахстане работал чернорабочим, ваменщиком, литейщиком. По окончании лагерного срока не был освобожден, направлен на «вечную ссылку» в Кок-Терек в Казахстане. В годы ссылки преподавал в сельской школе математику и физику, тайно начал писать. В апреле 1956 г. ссылка для осужденных по ст. 58 отменена, в июне уезжает в Москву. С августа 1956 г. — сельский учитель во Владимирской области. Реабилитирован. С июня 1957 г. живет в Рязани, работает учителем физики и астрономии в школе № 2. Продолжает тайно писать. В 1961 г. выходит из литературного подполья. В ноябре 1962-го его повесть о лагерях «Один день Ивана Денисовича» опубликована в журнале «Новый мир», публикация была настоящей сенсацией. Продолжает работать над произведениями об эпохе массового террора в СССР, создает целую сеть для тайного хранения своих рукописей и архивов, для сбора информации о тюрьмах, лагерях, ссылках, депортациях. Переправляет часть рукописей на Запад. Публикуется в самиздате и за рубежом. В 1969 г. исключен из Союза писателей. В октябре 1970-го Солженицыну присвоена Нобелевская премия по литературе. Разворачивается травля писателя со стороны КГБ и партийных органов. В декабре 1973-го в Париже опубликован первый том «Архипелага ГУЛАГ». Угрозы, открытая слежка, травля в советской печати. В феврале 1974-го Солженицын арестован, возбуждено уголовное дело по ст. 64 «измена родине». 13 февраля КГБ депортирует его в ФРГ. Верховный Совет СССР объявляет о лишении писателя советского гражданства. В эмиграции Солженицын пишет целый ряд новых произведений. В эпоху перестройки, в 1988 г., в СССР вновь начинается публикация Солженицына. В августе 1989-го «Новый мир» в Москве начал публикацию «Архипелага ГУЛАГ». В октябре 1990-го Солженицыну присвоено звание почетного гражданина города Рязани. В сентябре 1991-го Генпрокуратура объявила о прекращении дела против Солженицына. В 1994 г. — триумфальное возвращение Солженицына в Россию. Награжден несколькими российскими орденами и Государственной премией. В России продолжает много работать над циклом произведений о русской революции. 3 августа 2008 г. Александр Солженицын скончался в своем доме под Москвой. Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве.

«Во всем смысле.
Прибытие в Рязань». Зима 1956-1957 гг. Фото неизвестного автора. Из архива семьи А. И. Солженицына

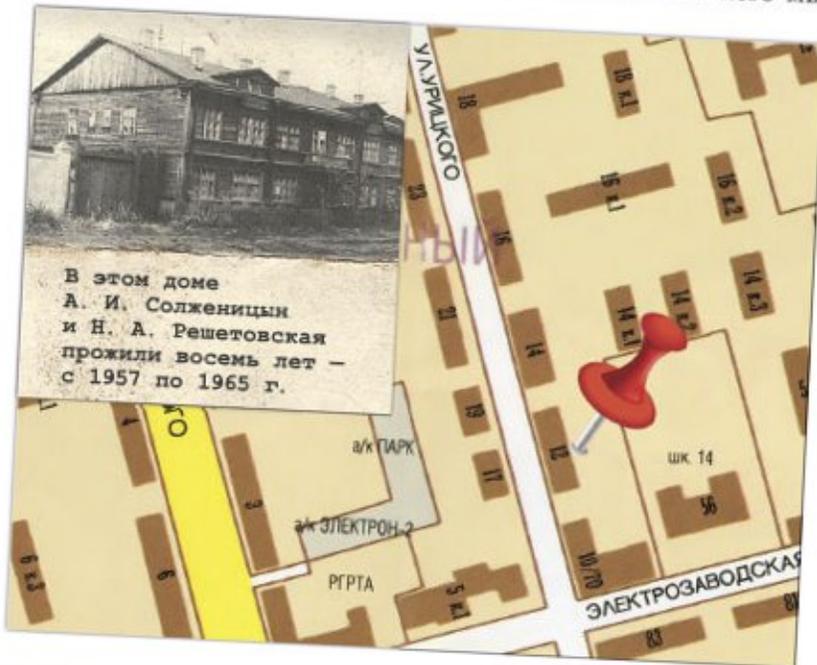
Решетовской по адресу 1-й Ка-симовский переулок, дом 12, квартира 3 (позднее переулок назовут улицей Урицкого)².

«Тихое житье» в девяти-метровой квадратной комна-те, где поселились супруги, началось хлопотно: получа-ли багаж из «Торфопrodukта» (с прежнего места жительства Солженицына), делали ремонт, переставляли мебель, разме-щали книги.

«В нашей комнате друг против друга — два письмен-ных стола: мужа — большой, строгий, с множеством ящи-ков, мой — маленький, старин-ный, на тонких резных ножках. Стены были обшиты книжны-ми полками. Возле кровати — маленький круглый, тоже ста-ринный столик. На него мы

В этом доме А. И. Солженицын и Н. А. Решетовская прожили восемь лет — с 1957 по 1965 г.

² Координаты: 54 гр. 37' 09.19'' сев. широты, 39 гр. 45' 37.39'' вост. дол-готы. Остановка общественного транспорта «Площадь Театральная».

Александр Солженицын
в Рязани, ок. 1958–1960 гг.
Фотокопия из коллекции
Рязанского «Мемориала»

клали книги, которые читали перед сном», — вспоминала Наталья Решетовская.

При доме был дворик с садом. В дальнем углу у глухого забора, где старая яблоня образует «беседку», Солженицын соорудил скамейку и столик.

«<...> Я стою под яблоней отцветающей — и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя — и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми легкими, ощущаю аромат всею грудью, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми — не знаю, как лучше. Вот, пожалуй, та воля — та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, этого воздуха, напоенного цветением, сыростью, свежестью <...>»³, — описал Солженицын в «крохотках» счастье встречи с этим рязанским садом — после лагерных и ссыльных лет.

Ему было почти сорок, но после каморок, которые до войны он делил с мамой, землянок на фронте, тюремных камер и лагерных бараков, угла в Матрениной избе, он впервые ощутил домашний уют. «Там можно проводить целые дни, — писал он друзьям про комнату в Рязани. — Таких условий не запомню в своей жизни. Шум города туда доносится глуховато, жары там не ощущаешь, воздух совершенно очищен деревьями, не падает солнце, не пробьется пыль — а сверху висят яблоки...»⁴

Мемориальная доска, установленная на «солженицынском доме».
фото Foboss

Наталья Решетовская и Александр Солженицын в Рязани, ок. 1958–1959 гг.
фотокопия из архива Н. А. Решетовской

³ Солженицын А. Рассказы и крохотки. М. : АСТ, 2005.

⁴ Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 273.

Новогодний ужин
в рязанской квартире
Солженицына,
1957–1958 г.
Фотокопия из архива
Н. А. Решетовской

С весны 1958-го супруги пристрастились к небольшим велосипедным походам, особенно полюбили небольшое мещерское Сегденское озеро. Но рязанский обком КПСС присмотрел это место для отдыха своих функционеров — об этом Солженицын пишет в одной из первых своих рязанских миниатюр («крохотке»): «<...> Об озере этом не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему,

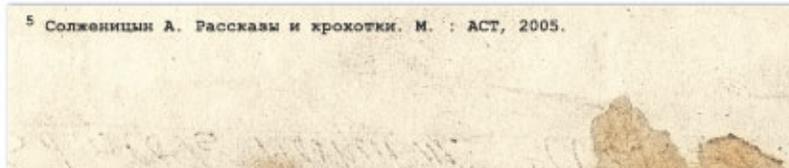
как к волшебному замку; над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая черточка. Человек или дикий зверь, кто увидит эту черточку над своим путем — поворачивай! Эту черточку ставит земная власть. Эта черточка значит: ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя. А близ дорог в сосновой чаще сидят в засаде постовые с турчками и пистолетами. <...> Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий, между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли. Нельзя. Лютый князь, злодей косоглазый, захватил озеро: вон дача его, купальни его. Злодеянята ловят рыбу, бьют уток с лодки. Сперва синий дымок над озером, а погода — выстрел. Там, за лесами, горбит и тянет вся окрúжная область. А сюда, чтоб никто не мешал им — закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них <...>⁵.

С осени 1957 г. Солженицын в Рязани начинает свою тайную работу над второй редакцией романа «В круге первом»: «<...> Оказалось, надо освоить новое ремесло, самому научиться делать закладки, далекие и близкие, где все бумаги мои, готовые и в работе, становились бы недоступны ни случайному вору, ни поверхностному обыску. <...> Мало было самого подпольного писания — еще надо было теперь учиться ремеслу — прятать написанное. А за одним ремеслом потянулось другое: самому делать с рукописей микрофильмы. <...>

Важней всего и был объем вещи — не творческий объем в авторских листах, а объем в кубических сантиметрах. Тут выручали меня еще неиспорченные глаза и от природы мелкий, как луковые семена, почерк; бумага тонкая, если удавалось привезти ее из Москвы; полное уничтожение (всегда и только — сожжение) всех набросков, планов и промежуточных редакций; теснейшая, строчка к строчке, без всяких полей и двусторонняя

190

⁵ Солженицын А. Рассказы и крохотки. М. : АСТ, 2005.

перепечатка; а по окончании перепечатки — сожжение и главного беловика рукописи тоже: один огонь я признавал надежным еще с первых литературных шагов в тюрьме.

<...> До слез было жалко уничтожать подлинник сценария, он особенным образом был написан. Но в один тревожный вечер пришлось его сжечь. Сильно облегчалось дело тем, что в рязанской квартире было печное отопление. При центральном сожжении гораздо хлопотливей⁶.

* * *

«В 1957 г. завкадрами рязанского облоно спросила меня: „А за что вы были в 45-м г. арестованы?“ — „За высказывание против культа личности“, — ответил я. „Как это может быть? — изумилась она. — Разве тогда был культ личности?“ (Она искренне так поняла, что культ личности объявили в 1956 г., откуда ж он в 1945-м?)»⁷

Облоно отказал — «за отсутствием вакантных мест». Вакансий не было и в гороно.

И все-таки с 25 августа 1957 г. Александр Солженицын, к тому времени полностью реабилитированный, смог начать свою официальную работу в качестве учителя физики и астрономии

Рязанская школа №2, где преподавал Солженицын, 2008 г.
фото Николая Середы,
Рязанский «Мемориал»

⁶ Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж : YMCA-PRESS, 1975 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/telenok.txt>

⁷ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Том 2. Paris : YMCA-PRESS, 1973. С. 317.

в рязанской школе № 2⁸. Помог директор второй школы Георгий Георгиевич Матвеев, с которым Солженицын познакомился при хождении по отделам образования. Оказалось, что они воевали рядом, да и приглянулся Солженицын директору.

Позднее Солженицын вспоминал: «Георгий Георгиевич был достойный человек. Но я просил математику, и очень хотел ее вести, а он не мог ее дать из-за уже работавшего учителя — тот боялся конкуренции и убедил Матвеева предложить мне физику. Это намного утяжелило мои годы в Рязани. Физика требует эксперимента, классных опытов, подготовки лаборатории. Я это очень не люблю. Матвеев согласился не давать мне классного руководства — за это спасибо. Взамен я взялся вести в школе фотокружок. Мы много чего делали с ребятами, но это тоже отнимало мое время».

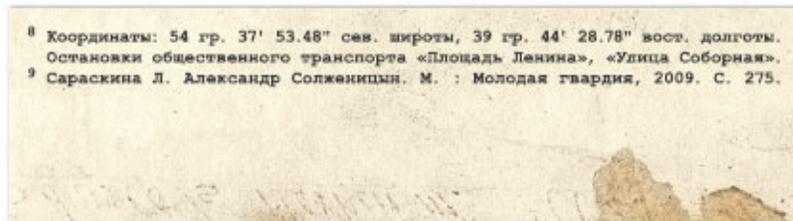
Новый учитель был заметно не похож ни на кого из школьных педагогов — ни с кем не сближался, избегал общих разговоров, не вмешивался ни в какие литературные обсуждения. Физик не застревал в учительской, уклонялся от праздничных сборов, дружеских посиделок. Отказался от должности завуча, от предложения аспирантуры в Академии педагогических наук (рязанская школа № 2 была экспериментальной базой академии). Главной, истинной целью его было — успеть написать правду о годах массового террора в стране, а для этой тайной работы было нужно время.

«<...> С приходом нового учителя, — вспоминала в 1989-м Н. Торопова (Сазонова), — у меня появился интерес к предмету. Все занимались физикой с удовольствием. Александр Исаевич ввел систему преподавания по типу вузовской. У нас были коллоквиумы, зачеты, интересные опыты. Мне кажется, он с таким же успехом мог бы преподавать литературу. Главное было в том, как он это делал. На урок астрономии учитель мог принести томик классической прозы, найти в тексте описание звезд и прочесть их глазами астронома. Оказывалось: даже классики, любившие смотреть на звезды, были не всегда точны. Рассказы о тайнах созвездий, иногда проходившие у стен кремля, были столь поэтичны, литературное дарование рассказчика столь очевидно, что слушателей подмывало спросить не только о звездах на небе. Но ореол таинственности витал над учителем, и дети не выходили за рамки урока...»⁹

«Объяснения на его уроках были захватывающими, эмоциональными. Ребята слушали его с большим вниманием. Я часто был свидетелем его блестящих уроков», — вспоминал коллега Солженицына по 2-й школе О. Б. Сулович.

⁸ Координаты: 54 гр. 37' 53.48" сев. широты, 39 гр. 44' 28.78" вост. долготы. Остановки общественного транспорта «Площадь Ленина», «Улица Соборная».

⁹ Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 275.

Ученики вспоминают, что невозможно было представить Солженицына кричащим «Вон из класса!» или грозящим «Без родителей в школу не являйся!».

Солженицын вел в школе фотографический, астрономический кружки, водил ребят в небольшие походы. Долгое время в архиве Рязанского городского клуба туристов хранилась походная маршрутная книжка, заполненная руководителем детской тургруппы А. И. Солженицыным.

С. Грозденский вспоминал: «<...> Догадывались ли мы, что он — писатель? Нет, не могу сказать определенно. Несмотря на внешнюю открытость Солженицына, его жизнь за школьным порогом была нам неведома. Мы знали о нем меньше, чем об иных учителях.

<...> Прежде всего его отличала пунктуальность. Едва звучал звонок на перемену, урок прекращался. Бывало, еще перемена после его урока не кончилась, а он уже своей стремительной походкой удалялся от здания школы»¹⁰.

«Наверное, человек проницательный или человек со специальными целями мог бы — по случайным репликам, по обрывкам разговоров — заподозрить учителя физики в причастности к литературному труду. Ученикам запомнилось его трепетное отношение к русской речи — то, как морщился он при любых искажениях языка, как был придирчив к этим невозможным „лóжит“, вместо „кладет“, как чисто говорил сам. А стихотворные правила, вывешенные на стене комнаты, где занимался его фотокружок: „Будь аккуратен исключительно, / Раствором чистым дорожа. / Воронка желтая — для проявителя, / Воронка красная — для фиксажа“¹¹. А замечание насчет „Двенадцати стульев“ — ребята как-то спросили его о романе.

¹⁰ С. Грозденский. Исаич: Из воспоминаний школьника 50-х годов [Копия рукописи].

¹¹ Все-таки не только бременем был для Солженицына фотокружок. Всегда доступная руководителю кружка фотолаборатория была важным местом для перестанки рукописей.

193

Солженицын ответил: „Не понимаю, как можно вдвоем работать над одним произведением. Я не представляю, как бы стал писать с соавтором“. Напрашивался вопрос: а без соавтора? Но подростки редко бывают внимательны, и тайна учителя оставалась не раскрытой <...>¹²».

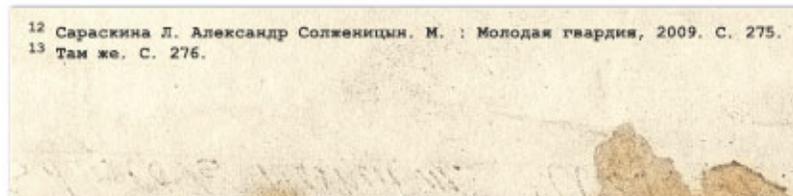
Еще в ссылке его записали лектором по распространению научных знаний. В Рязани он стал читать лекции по путевкам — куда пошлют. Газета «Приокская правда» 19 октября 1957 г. в заметке о лекторах, выступавших в связи с запуском искусственного спутника, упоминала фамилию преподавателя физики и астрономии средней школы № 2 Солженицына. Вскоре в качестве лектора ему пришлось рассказывать о достижениях науки и техники в рязанской колонии: «И я воображаю: сейчас отнимут у меня пропуск, и я останусь тут. И эти стены, всего в нескольких метрах от известной мне улицы, от известной троллейбусной остановки, перегородят всю жизнь, они станут не стенами, а годами». Один из рязанских учеников Солженицына вспоминал, как был поражен, когда учитель однажды посоветовал: овладевай той профессией, которая пригодится, если попадешь в тюрьму¹³.

В своей знаменитой автобиографической книге «Бодался теленок с дубом» Солженицын вспоминал: «Безопасность приходилось усилить всем образом жизни в Рязани, куда я недавно переехал, не иметь вовсе никаких знакомых, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости — потому что нельзя же никому объяснить, что ни в месяц, ни в год, ни на праздники, ни в отпуск у человека не бывает свободного часа; нельзя дать вырваться из квартиры ни атому скрытому, нельзя впустить на миг ничего внимательного взгляда, — жена строго выдерживала этот режим, и я это очень ценил. На работе среди сослуживцев никогда не проявлять широты интересов, но всегда выказывать свою чуждость литературе (литературная „враждебная“ деятельность ставилась мне в вину уже по следственному делу — и по этому особому вопросу, остыл я или не остыл, могли за мной агенты наблюдать).

Наконец, на каждом жизненном шагу сталкиваясь с чванством, грубостью, дуростью и корыстью начальства всех ступеней и всех учреждений и иногда имея возможность меткой жалобой, решительным возражением что-то очистить или чего-то добиться — никогда себе этого не разрешать, не выделяться ни на плечо в сторону бунта, борьбы, быть образцовым советским гражданином, то есть всегда послушным любому помыканию, всегда довольным любой глупостью. <...>

194

¹² Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 275.
¹³ Там же. С. 276.

Излюбленное место работы Солженицына в пригороде Рязани — Солотче. Фотокопия из коллекции Рязанского «Мемориала»

Это было очень нелегко! Как будто не кончилась ссылка, не кончился лагерь, как будто все те же номера на мне, нисколько не поднята голова, нисколько не разогнута спина и каждый погон надо мною начальник. Все негодование могло укипеть только в очередную книгу, а этого тоже нельзя, потому что закон поэзии — быть выше своего гнева и воспринимать сущее с точки зрения вечности <...>¹⁴.

<...> В лагерной телогрейке иду с утра колоть дрова, потом готовлюсь к урокам, иду в школу, там меня корят за пропуск политзанятий или упущения во внеклассной работе <...>¹⁵.

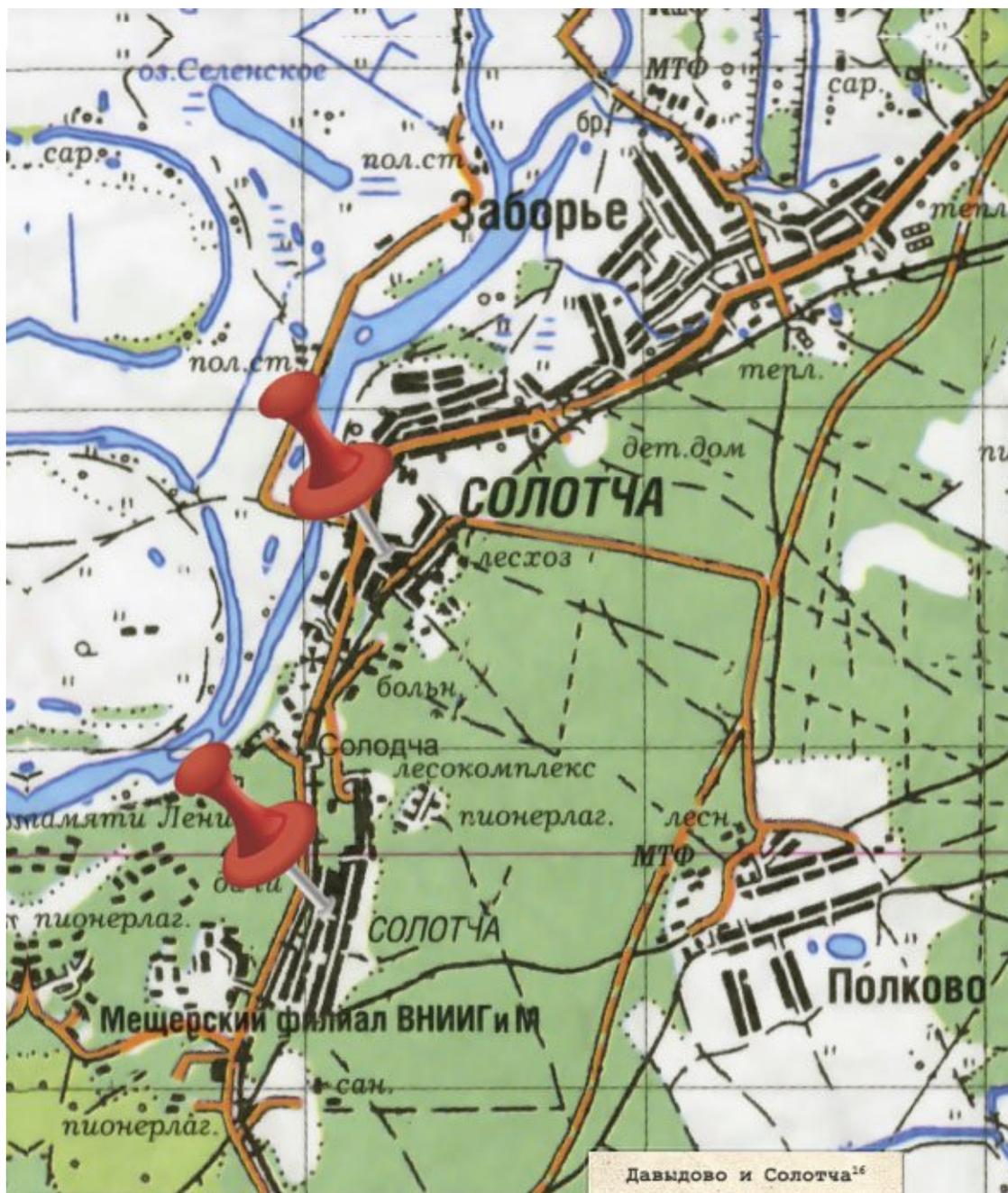
* * *

Первым же рязанским летом Солженицын с Решетовской поехали в Солотчу (курортный лесной поселок, административно — часть Советского района города Рязани). «Как только он попал в прекрасный древний сосновый бор, влюбился в Солотчу без оговорок», — вспоминала Наталья Алексеевна Решетовская.

Для подпольной литературной работы Солженицыну крайне необходима была возможность уединиться, сосредоточиться,

¹⁴ Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж : YMCA-PRESS, 1975 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/telenok.txt>

¹⁵ Там же.

трудиться над рукописями в стороне от суеты и недреманного ока госбезопасности — Солотча и Давыдово (маленькая лесная деревня в 500 метрах от Солотчи) очень подходили до этого.

Кроме того, за лагерные годы Солженицын очень стосковался по природе, чрезвычайно ценил возможность хотя бы день-два побыть в лесу. В Солотче он ночевал в палатке,

196

¹⁶ Давыдово, координаты: 54 гр. 46' 29.83" сев. широты, 39 гр. 50' 02.91" вост. долготы. Солотча, координаты: 54 гр. 47' 30.46" сев. широты, 39 гр. 50' 08.26" вост. долготы. Проезд общественным транспортом до Давыдово и Солотчи — с городского автовокзала Приозжский (ост. «Площадь Свободы»).

останавливался в маленькой гостинице, арендовал разные углы у частных, затем снимал часть дома № 89 по улице Первомайской в деревне Давыдово у крестьянки Агафьи Фоломкиной.

Например, о Солотче лета 1960-го Солженицын так напишет друзьям: «Это лето было за последние двадцать лет — первое, когда я по-настоящему и беззаботно отдыхал». Конечно, о подпольной литературной работе, которой он был поглощен в Солотче и Давыдово, в письмах Солженицын благоразумно умалчивал.

«В Солотче, в номере гостиницы бывшего монастырского дома на берегу Старицы, а потом в отдельном домике на опушке леса, отрешившись от рязанской суеты, газетного бреха, отрезанный от всех, он писал, думал, гулял по лесу, впервые в жизни от начала до конца видел ледоход <...>»¹⁷.

Дом в Давыдово под Солотчей, где Солженицын работал над «Архипелагом ГУЛАГ» и другими произведениями. На фото: сыновья писателя Ермолай и Степан Солженицыны, Виктор Лозинский (Рязанский «Мемориал»), 1992 г. Фото Сергея Романова, Рязанский «Мемориал»

Наталья Решетовская и Александр Солженицын в Солотче, ок. 1961-1963 гг. Фотокопия из коллекции Рязанского «Мемориала»

¹⁷ Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 325.

Александр Исаевич Солженицын в Солотче в 1994 г., после возвращения из изгнания. Фото Евгения Каширина, Рязанский «Мемориал»

Солотча, спасительное уединение, ежедневная работа в тишине и в чистом воздухе, лекарство от бессонницы и головных болей, занимающих в городе. «Топлю печь,

хозяйничаю. Из приемника льется музыка, Александр Исаевич пишет... Уютно. Хорошо. Лучше не может быть. Мужу очень хорошо здесь работается», — вспоминала в 1990 г. Наталья Решетовская.

«<...> Поехал я дальше, в глубь, под Солотчу, в холодную темную избу Агафьи (второй Матрены), где в оттепельные дни дотапливали до 15 °С, а в морозные я просыпался чаще при двух-трех градусах. По своему многомесячному плану я должен был теперь прожить здесь зиму. <...> Дерзал начать главную книгу своей жизни.

<...> В Солотче я гнал доработки „Архипелага“, по вечерам балуя слушаньем западного радио. <...> Зимой 68/69-го, снова в солотчинской темной избе, я несколько месяцев мялся, робел приступить к «Р-17», очень уж высок казался прыжок, да и холодно было, не раскутаешься, не разложишься, — так часами по лесу гулял и на проходке читал „Новый мир“ <...>»¹⁸.

Примечательно, что сыновья Александра Исаевича — Ермолай и Степан, приехавшие в Рязань в 1992-м, в первую очередь

¹⁸ Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж : YMCA-PRESS, 1975 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENITSYN/telenok.txt>

просили мемориальцев свозить их в Солотчу и Давыдово и, по возможности, подробно показать «все отцовские места» там (об этом их просил сам Солженицын)¹⁹.

* * *

В 1958 г. «односидельцы» Солженицына по Марфинской «шарашке» — Лев Копелев и Дмитрий Панин, навещавшие Александра Исаевича в Рязани, прочли рукопись романа «В круге первом» («Шарашка»).

Панин принял роман восторженно. Копелев по возвращении из Рязани записал в дневнике: «17 января 58 г. Вернулся из Рязани. <...> На вокзале встречал С[аня]. Все еще худой и словно бледнее. Долгопалое пальто, как шинель. Решили: буду ночевать у него, читать... Ночью, утром, днем читал „Шарашку“. <...> О „Шарашке“ — добротная, хорошая проза. Но все наши споры <...> преобразены на свой лад. <...>»²⁰.

Но, скажет Копелев, и самые горячие перебранки, и непримиримые разногласия из-за книг не нарушали добрых личных отношений. Лагерные друзья в ту пору заменяли Солженицыну «все остальное человечество» и составляли исключение из общих принципов конспирации. Встречи с ними происходили в Рязани (Семенов, Панин, Копелев, Карбе) — дружбой с ними он неизменно дорожил²¹.

¹⁹ К 1992 г. Солженицыну было возвращено гражданство, официально сняты все обвинения. Сыновья Александра Исаевича не скрывали, что отец попросил их съездить в Россию, чтобы присмотреть место для жительства семьи после возвращения из вынужденной эмиграции.

²⁰ Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 278.

²¹ Там же.

Тогда же в Рязани Солженицын задумал написать обобщающую работу о тюрьмах и лагерях. Тогда же родилось и название — «Архипелаг ГУЛАГ». Был разработан принцип последовательных глав о тюремной системе, следствии, судах, этапах, «исправительно-трудовых» и каторжных лагерях, ссылке и душевных изменениях арестанта за годы неволи. Десять лет понадобится писателю, чтобы довести до конца начатое дело и не дать беспамятому похоронить историю «Архипелага»²².

* * *

«Как описать всю нашу лагерную жизнь? — вспоминал в интервью в 1982-м Солженицын. — По сути, достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, притом день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а — рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы. Задумал я так, и этот замысел остался у меня в уме, девять лет я к нему не прикасался и только в 1959-м, через девять лет, сел и написал»²³.

Повесть называлась «Щ-854» — этот лагерный номер был выведен черной краской на доскутах, нашитых на казенное обмундирование заключенного Ивана Денисовича Шухова, один день жизни которого и описал Солженицын.

«Опять мятежному учителю виделся черный силуэт зоны — вышки и столбы с фонарями, колючая проволока во много нитей. Опять слышались мерные удары в рельс, и вставала перед глазами прежняя картина: голая „линейка“ меж барачков, три тысячи спинок по пять в шеренгу, и номера — грязная, голодная, пригорбленная публика, в черных спецовках и черных картузах с белыми доскутами — три спереди и один сзади, меж лопаток»²⁴.

«Облегченный» вариант повести, тот, который мог пройти советскую цензуру, был назван по совету Твардовского «Один день Ивана Денисовича».

Солженицын рискнул обнаружить себя как летописца лагерной жизни после антисталинских выступлений делегатов XXII партийного съезда, после речи там Твардовского, известного поэта, редактора самого тогда, пожалуй, авторитетного и передового литературного журнала СССР — «Новый мир».

Выход Солженицына из «литературного подполья», длинная и трудная дорога «Одного дня...» к читателю подробно описана самим Александром Солженицыным в книге

200

²² Там же. С. 279.
²³ Там же. С. 290.
²⁴ Там же. С. 294.

«Бодался теленок с дубом» и биографом писателя Людмилой Сараскиной в объемной исследовательской работе «Александр Солженицын».

«Один день Ивана Денисовича»²⁵ был опубликован в 11-м номере журнала «Новый мир» и стал настоящей сенсацией. «Весть об этой публикации облетает весь мир, Солженицын сразу становится знаменитостью»²⁶.

В день, когда ожидалось поступление в киоски 11-й книжки «Нового мира», с утра выстраивались огромные очереди; тиража, поступившего в продажу, не хватило даже на день. Люди звонили друг другу: «Напечатали правду о лагерях!»

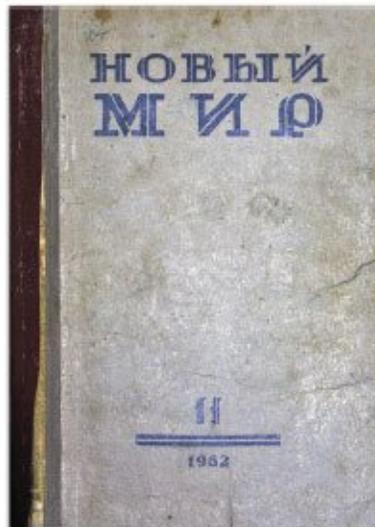
«В то ноябрьское утро 1962 г., когда читающая Россия впервые открыла одиннадцатую книжку „Нового мира“, всем стало ясно, что начался новый этап в русской литературе»²⁷.

«Одна из самых невероятных, феерических историй общественно-политической жизни страны, высшая точка хрущевской оттепели, наконец, свершилась. Некий читатель прислал телеграмму: «Поздравляю Вас одним днем, который перевернул мир»²⁸.

Рязанская писательская организация *уговаривает* Солженицына вступить в Союз писателей.

На Солженицына обрушивается огромная корреспонденция — благодарности, мемуары о годах заключения, просьбы содействовать в реабилитации.

«<...> Когда напечатался „Иван Денисович“, то со всей России как взорвались письма ко мне, и в письмах люди писали, что они пережили, что у кого было. Или настаивали встретиться со мной и рассказать, и я стал встречаться. Все просили меня, автора первой лагерной повести, писать еще,

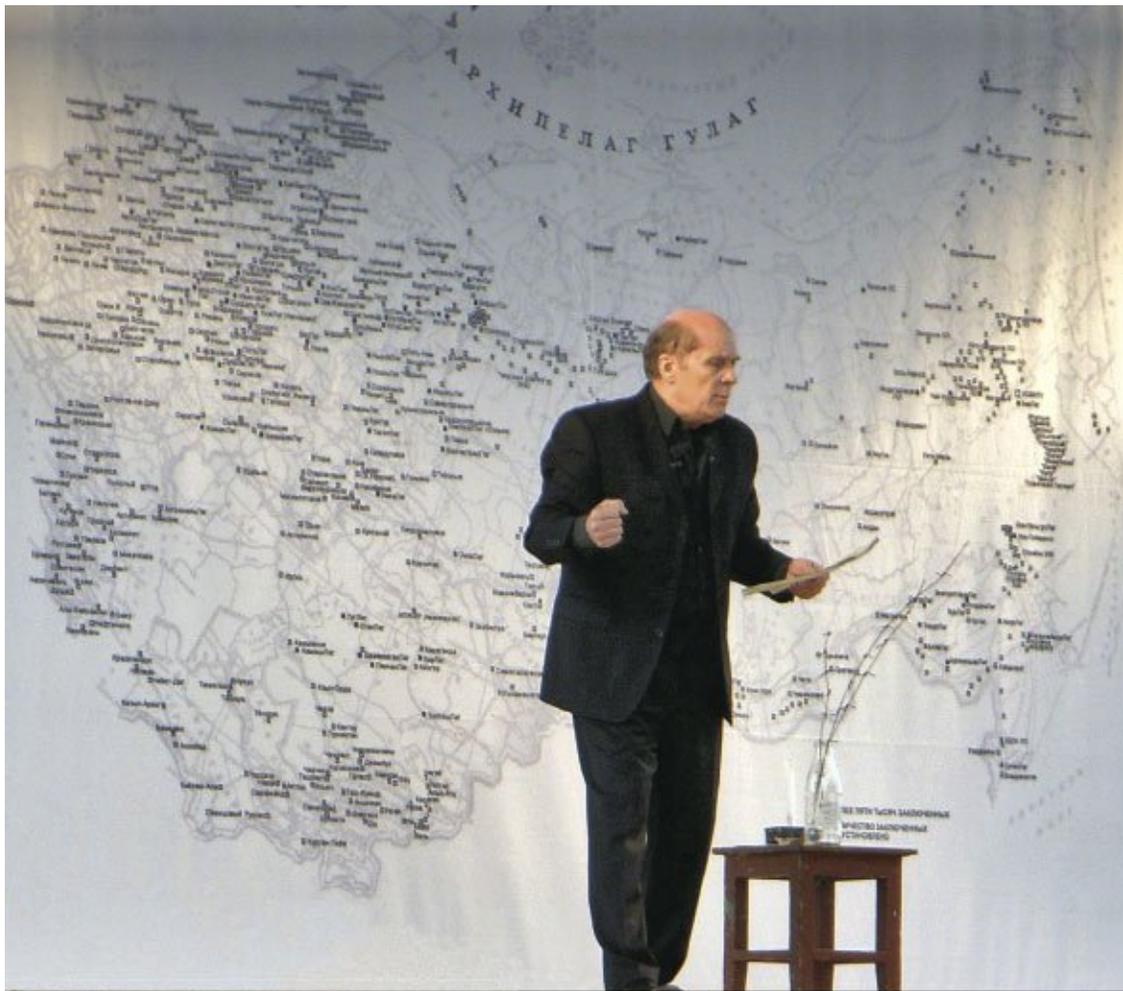

²⁵ Уже в 1971–1972 гг. все издания «Одного дня Ивана Денисовича», включая журнальное, негласно изымались из публичных библиотек и уничтожались. Из журнала страницы с текстом рассказа просто вырывали, фамилию автора и название рассказа в оглавлении — замазывали. Официально Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР по согласованию с ЦК КПСС приняло решение изъять произведения Солженицына из библиотек массового пользования и книготорговой сети 28 января 1974 г. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 67. Д. 121. Л. 21–23. Цит. по: Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына. // Континент. 1993. № 75. С. 203.

²⁶ Виза Ж. Солженицын. London: Overseas Publications Interchange, 1984. С. 17.

²⁷ Международное общество «Мемориал»: памяти Александра Солженицына [Электрон. ресурс]. URL: <http://hro.org/node/2935>

²⁸ Сараскина Л. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 312–313.

Спектакль актера Александра Филиппенко «Один день Ивана Денисовича», 2008 г. Карта ГУЛАГа была подготовлена Рязанским обществом «Мемориал»²⁹. Фото Владимира Тольца

еще, описать весь этот лагерный мир. Они не знали моего замысла и не знали, сколько у меня уже написано, но несли и несли мне недостающий материал»³⁰.

«<...> Так я собрал неопиcуемый материал, который в Советском Союзе и собрать нельзя, — только благодаря „Ивану Денисовичу“. Так что он стал как пьедесталом для „Архипелага ГУЛАГа“»³¹.

²⁹ Эта сводная карта ГУЛАГа (лагеря, тюрьмы, пересылки и др.) была подготовлена Виктором Лозинским, Андреем Блинушовым, Елией Середа, Сергеем Романовым из Рязанского общества «Мемориал» в 1989–1992 гг. и опубликована в историческом журнале «Карта» в 1993 г. В 1998 г. Театр на Таганке получил от Рязанского «Мемориала» файлы карты ГУЛАГа для оформления сцены юбилейного вечера, посвященного 80-летию Александра Исаевича Солженицына. В 2001 г. актер Александр Филиппенко и сценограф Давид Боровский обратились в «Мемориал» с просьбой использовать эту карту ГУЛАГа для спектакля по повести «Один день Ивана Денисовича». Данная карта републикована в США, Великобритании, Норвегии, Испании, Польше, Венгрии, Австралии, Тайване.

³⁰ Солженицын А. И. Из телеинтервью компании CBS (17 июня 1974 г.) // Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1996. Т. 2. С. 98.

³¹ Радиоинтервью Солженицына, данное Барри Холланду к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для «Би-би-си» в Кавендише 8 июня 1982 г. // Там же. С. 92–93.

Актер Александр Филиппенко: «С прозой Александра Исаевича я познакомился в годы хрущевской оттепели. Он появился для всех и сразу после публикации „Одного дня Ивана Денисовича“ в журнале „Новый мир“ в ноябре 1962 г. Это было как гром среди ясного неба. Прочитав это произведение, я пережил потрясение...»³²

«Произошел интересный феномен: 60-е пришли в восторг и восхищение от „Одного дня“, но подсознательно оттолкнулись от него <...> Конечно, правда была нужна, призывы к правде раздавались и сверху и снизу, но лагерные мемуа-

ры Дьякова или генерала Горбатова, к примеру, лежали в общем русле оптимистических установок эпохи. А блистательная концовка повести Солженицына ничего оптимистического не сулила: „Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов — три дня лишних набавлялось...“ Никто не обещал реформы календаря, и ощущение безысходности ничем не уравновешивалось», — писали в 1990-м Петр Вайль и Александр Генис³⁴.

«„Один день...“ был, несомненно, самым громким событием 60-х, но при этом не стал их знаменем. Да и не мог стать — потому что не нес лозунга. Потрясение от правды „Одного дня...“ было огромно, и также огромно было ожидание последствий — что-то (может быть, ложь) должно было рухнуть. Но не рухнуло»³⁵.

³² Филиппенко А. Память о ГУЛАГе жива // Театральные Новые Известия ТеатрЪл [Электрон. ресурс]. URL: <http://teatr.newizv.ru/news/?IDNews=1654&date=2008-09-01>

³³ 14 февраля 1974 г., после изгнания писателя из СССР, вышел специально посвященный Солженицыну приказ Главлита №10, где были перечислены подлежащие изъятию из библиотек общественного пользования номера журнала «Новый мир» с произведениями писателя (№11, 1962; №1, 7, 1963; №1, 1966) и отдельные издания «Одного дня Ивана Денисовича», включая перевод на эстонский язык и книгу «для слепых». Приказ был снабжен примечанием: «Изъятию подлежат также иностранные издания (в том числе газеты и журналы) с произведениями указанного автора». Блжн А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991 // Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 168.

³⁴ Вайль П., Генис А. Поиски жанра: Александр Солженицын // 1990 г. Октябрь. №6 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.library.ru/help/docs/n17693/poisk.htm>

³⁵ Там же.

Наталья Радугина.
Рязань, 1994 г.
фото Сергея
Романова, Рязанский
«Мемориал»

* * *

В 1991-м Анна Гарасёва (1902–1994), одна из «нелегальных секретарей» Солженицына в Рязани³⁶, вспоминала: «Мы узнали, что автор „Одного дня“ живет в Рязани и к нему уже началось паломничество. <...> Новой Ясной Поляны, чего так боялись наши власти, из его дома не получилось, да и не могло получиться: Солженицын был писателем, а не общественным деятелем, ему нужно было работать, и он не мог себе позволить тратить время на разговоры, не относящиеся прямо к продолжению этой работы. <...>

Солженицын и его тогдашняя жена Наталья Алексеевна Решетовская жили вместе с ее матерью, Марией Константиновной, и двумя ее тетушками в большой, очень удобной по рязанским меркам квартире на улице Урицкого, в старом, одно время выкрашенном в розовый цвет доме. <...> Между собой мы зашифровано называли его „человек из розового дома“.

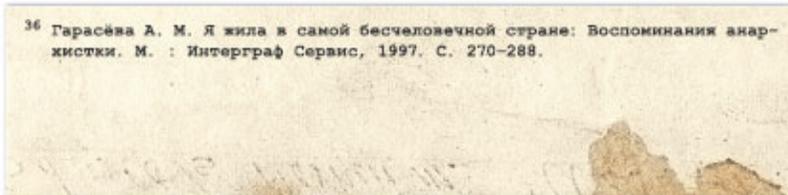
<...> Из рязанцев наиболее близки к ним были еще Радугины, старая рязанская семья, несколько поколений которой были юристами. (Наталья Евгеньевна Радугина долгие годы была тайным помощником Александра Исаевича в Рязани. — *Прим. сост.*). <...>

Мы пришли и — стали бывать, „три Михайловны“, как они нас звали, потому что вместе с нами к ним ходила и наша племянница Ирина. Все мы трое очень сблизилась с семьей Солженицына. Я не побоюсь сказать, что мы были действительно дружны. <...>

Долгое время мы не знали о том, что именно тогда он писал первый вариант своего „ГУЛАГа“. Отсюда и его сосредоточенность, и постоянная боязнь, что об этом станет известно „органам“ и у него изымут этот труд. <...>

Однажды к нам вышел А. И., вынес несколько отпечатанных листов и спросил меня, не соглашусь ли я взять их к себе

³⁶ Гарасёва А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране: Воспоминания анархистки. М. : Интерграф Сервис, 1997. С. 270–288.

на время? Конечно, я согласилась. Дело в том, что как-то раньше я сказала ему, что если надо что-то спрятать, то лучше всего это сделать у нас в доме.

В нашей стране и при наших властях прятать приходится всегда, точно так же, как нельзя у нас говорить человеку все, потому что неизвестно, что с этим человеком будет и в какой ситуации он окажется. Вот почему ни я, ни Татьяна с Ириной никогда не спрашивали А. И. о его работе и о том, чем он занимается. Если он нам что-то давал читать — мы были благодарны, и все.

Правда, от нашего бывшего дома на Подгорной к тому времени в нашем владении оставалась всего одна треть,

остальное пришлось продать, но у нас осталось пять сараев, подвал, чердак, сеновал, огромный сад... И когда А. И. спросил, не опасно ли это, я ответила, что спрячу так, что никто никогда не найдет. Так он мне стал давать листы „ГУЛАГа“. <...>

<...> В дальнейшем по его просьбе мне приходилось не только просматривать множество материалов, но очень многое еще и перепечатывать. Мы с Татьяной печатали довольно быстро, и в конце концов у нас накопилась огромная „самиздатовская библиотека“, которую после отъезда А. И. и наступления более суровых времен пришлось сжечь. <...>

Солженицын считал (и не без оснований), что за ним в Рызани следят³⁷. <...> Сначала он на лето снимал дом в Солотче, а потом на осень и зиму он снял дом в Давыдове. К тому времени Солженицын уже заканчивал первый вариант „ГУЛАГа“ и жил в этом доме один, если не считать хозяйки: хотя все ее звали Галиной, настоящее ее имя было Агафья. Начинаясь осень, дожди, хранить написанное в Давыдово стало нелегко, и А. И. стал привозить готовые страницы к нам. <...>

Из Давыдово Солженицын, всегда неожиданно, приезжал к нам на Подгорную улицу, где я прятала уже написанные

Анна Гарасёва.
Рязань, 1980-е гг.
фотокопия
из коллекции
Рязанского
«Мемориала»

³⁷ В январе 1974 г. председатель КГБ Ю. Андропов на заседании Политбюро говорил: «Я, товарищи, с 1965 г. ставлю вопрос о Солженицыне <...>». Цит. по: Кремлевский самосуд. М. : Родина, 1994.

им листы. Дом на Подгорной сломали в семидесятом году, когда работа уже была закончена, и прятать ничего не было нужно. А до этого как помогал мне наш большой сад с его сараями, старый дом с подвалом и чердаком, где находилось столько разных потаенных мест...

Никто, даже сам Солженицын, не должен был знать, куда я прятала листы, которые он привозил. Прятала и перепечатывала. Но одно условие было неизменным: через несколько минут, когда бы он ни приехал, все спрятанное должно было лежать перед ним на столе, чтобы он мог, не теряя времени, с ним работать, дополняя привезенным, одно заменяя другим, делая вставки и исправления. В работе проходил час-другой, редко три. Потом он уезжал, а я снова прятала увеличивающуюся пачку листов в только мне известное место...

<...> Когда Солженицын приезжал в Рязань из Давыдова, у него был вид старого колхозника из глухой деревни: куртка-стеганка, шапка с ушами, и весь он выглядел каким-то усталым и измученным... Он шел от Торгового городка, где останавливаются все автобусы, к нам. Придет, сядет за стол, я принесу ему спрятанное и уйду, чтобы не мешать. Часа через два-три все это он складывал вместе, отдавал мне и почти сразу же уезжал назад — работать, не всегда даже заходя домой.

<...> И вот наступил момент, когда все написанное было переснято на пленку. Теперь я хранила десять катушек „ГУЛАГа“. Вероятно, то был не единственный экземпляр, потому что, когда А. И. забирал эти негативы у меня, то подарил первую катушку, содержащую первые сто страниц первого варианта. Который, к слову сказать, хотя и не был опубликован, нравился мне больше, чем последующий, известный всем.

Эту катушку я хранила очень долго — и в старом доме, и на новой квартире, когда это стало уже действительно опасно. И уничтожила ее лишь после того, как однажды ночью, слушая какую-то западную радиостанцию, услышала знакомый голос Солженицына.

Он обращался ко всем, у кого могли быть копии и материалы по „ГУЛАГу“, с просьбой их уничтожить и не подвергать себя риску — с настоятельной просьбой автора и подлинного владельца этих материалов, потрясенного трагической и не до конца раскрытой судьбой очень преданной ему машинистки³⁸, которая, вопреки поставленному им условию, хранила у себя копию его работы, была выслежена органами КГБ, арестована и доведена ими до самоубийства...

³⁸ Елизавета Денисовна Воронинская (Ленинград) — многолетний тайный помощник Солженицына. Перепечатывала и хранила рукописи писателя, в том числе — «Архипелаг». Арестована КГБ в 1973 г., подверглась интенсивным допросам, в результате которых оказалась в больнице. Погибла при невыясненных обстоятельствах — официально считалось, что она покончила с собой.

Рязанский колледж
электроники, 2008 г.
Фото Натальи Бриккер,
Рязанский «Мемориал»

<...> Когда я прятала листы „ГУЛАГа“, я всегда помнила о зловещем доме на Лубянке, о Соловках, о пересылках. Верхнеуральском политизоляторе, о далекой Колыме, где погибала сестра Татьяна, — и я радовалась, что снова могу, хотя бы таким образом, отстаивать те принципы, которым была верна и в свои молодые годы. Так „ветер возвращается на круги своя“, и я всегда буду помнить, что возможность этого мне подарил наш „человек из розового дома“.

* * *

В 1963 г. Солженицын пишет в Рязани рассказ «Для пользы дела» — историю о том, как у техникума электронных приборов (в то время политехникума) отобрали только что выстроенное здание. Отобрали, чтобы открыть в городе научно-исследовательский институт для оборонки. Студенты техникума все лето вместо каникул трудились на строительстве нового здания, но «партия

Мемориальная доска на здании колледжа. Фото Натальи Бриккер, Рязанский «Мемориал»

решила» — первый секретарь обкома КПСС приговорил — здание у техникума отобрать.

«<...> Кнорозов гордился тем, что он никогда не отступал

от сказанного. Как прежде в Москве слово Сталина, так в этой области еще и теперь слово Кнорозова никогда не менялось и не отменялось. И хотя Сталина давно уже не было, Кнорозов — был. Он был один из видных представителей волевого стиля руководства и усматривал в этом самую большую свою заслугу»³⁹.

О безуспешных попытках директора отстоять здание для студентов, о хождениях по кабинетам партийных сановников Рязани и области — и был рассказ Солженицына. В городе он вызвал большой резонанс — в персонажах узнавали местных начальников, да и история «изъятия» новостройки была хорошо известна рязанской технической интеллигенции.

«<...> Рассказ — „Для пользы дела“ — стал настоящим общественным событием и, как замечает автор, „по близости к привычной советской тематике вызвал непропорционально большой поток читательских писем и некоторую дискуссию в прессе“. Схватка между сталинистом-секретарем обкома Кнорозовым и прогрессистом-секретарем горкома Грачиковым логично продолжалась на страницах журналов и газет. Здесь положительный герой был иной, чем в „Матренином дворе“, но — еще более внятный и, главное, — еще более положительный. Под словами Грачикова „не в камнях, а в людях надо коммунизм

³⁹ Солженицын А. Для пользы дела [Электрон. ресурс]. URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/01_proizvedeniya/01_rasskazi/01_rasskazi_\(1959-1966\)/01_rasskazi_\(1959-1966\)_5_dlya_polz27zi_dela.pdf](http://www.solzhenitsyn.ru/01_proizvedeniya/01_rasskazi/01_rasskazi_(1959-1966)/01_rasskazi_(1959-1966)_5_dlya_polz27zi_dela.pdf)

строить" подписалось бы большинство интеллигенции, которую в то время Солженицын еще не назвал „образованщиной“⁴⁰.

В «Теленке» Солженицын вспоминал: «Весной 1963-го я написал для журнала рассказ, которого внутренне мог бы и не писать: „Для пользы дела“. Он как будто и достаточно бил и вместе с тем в нагнетенной обстановке после кремлевских встреч казался проходимым. Но писался трудновато <...>. Тем не менее в „Новом мире“ он встречен был с большим одобрением, на этот раз даже единодушным (недобрый признак!). А все лишь потому, что укреплял позиции журнала: вот, проведя меня в литературу, они не сделали идеологической ошибки.

До того уж почувствовал журнал свои права на меня, что летом, пока я был в отъезде, Закс без моего ведома уступил цензуре из моего рассказа несколько острых выражений (вроде забастовки, которую хотят устроить студенты). Это был их частый прием и со многими авторами: надо спасать номер! надо, чтобы журнал жил! А если страдает при этом линия автора — ну, что за беда... Вернувшись, я упрекнул их горько. <...> Им просто непонятно было, из чего принципиальничать? Подумаешь,

фрагмент экспозиции музея рассказа «Для пользы дела». Фото Натальи Бриккер, Рязанский «Мемориал»

⁴⁰ Вайль П., Генис А. Поиски жанра: Александр Солженицын // Октябрь. 1990 г. №6 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.library.ru/help/docs/n17693/poisk.htm>

пощипали рассказ! Мы, авторы „Нового мира“, им рождены и ему должны жертвовать»⁴¹.

После публикации рассказа Солженицын подарил библиотеке рязанского политехникума этот номер «Нового мира» со своим автографом. В 1970-е, во время гонений на писателя, из подаренного журнала страницы с рассказом по указанию КГБ были вырваны...

Идея создания в Рязани литературного музея, посвященного рассказу «Для пользы дела», пришла к преподавателю колледжа, краеведу Владимиру Крылову и московскому журналисту Николаю Ледовских⁴². Музей открылся в июне 2003 г. На здании колледжа была установлена мемориальная доска: «В этом здании с февраля по апрель 1963 года собирал материал к рассказу „Для пользы дела“ русский писатель, лауреат Нобелевской премии, почетный гражданин Рязани Александр Исаевич Солженицын».

В небольшой экспозиции музея представлены книги, личные вещи Солженицына — пишущая машинка «Колибри», приемник «Спидола», фотографии, мемуары...

* * *

«Когда Солженицына приняли в ряды Союза писателей РСФСР — пишет биограф А. И. Людмила Сараскина, — в Рязань пришла телеграмма, его поздравляла верхушка — Соболев, Сартаков, Баруздин, Михалков, Софронов, Кожевников. В канун Нового года все они собрались у себя на Софийской набережной и ждали, звали Солженицына, изумленные его взлетом и связями с Хрущевым. В течение получаса могли (и хотели как будто!) выписать новому члену Союза московскую квартиру. Солженицын, приехав 31-го в Москву, от визита уклонился и квартиры не принял»⁴³.

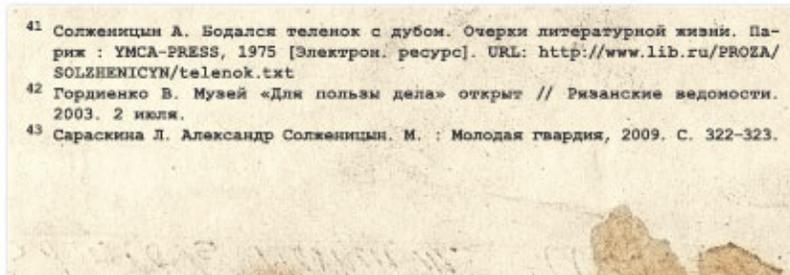
Сам Солженицын писал о «квартирном вопросе»: «<...> Это было некрасиво, сразу переехать в Москву, а мне это и не нужно было; к тому же я Москвы боялся, сразу задержают, бесконечные встречи, звонки, конференции; а в Рязани — тихо, спокойно».

Позже он признавался: «Обрек себя и жену на 10-летнее тяжкое существование в голодной Рязани, потом и притесненный там, в капкане, и вечные поездки с тяжелыми продуктами — о жене-то я меньше всего подумал <...> (А в дальнейшем про свете жизни хорошо: не стал я москвичом, а разделил судьбу униженной провинции.)».

⁴¹ Солженицын А. Бодался телянок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж : YMCA-PRESS, 1975 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/telenok.txt>

⁴² Гордиенко В. Музей «Для пользы дела» открыт // Рязанские ведомости. 2003. 2 июля.

⁴³ Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 322-323.

Дом, в котором жил Солженицын в Рязани с 1965 г., — «розовый дом». Фото 2008 г. Николая Середы, Рязанский «Мемориал»

В 1965-м, после захвата сотрудниками КГБ части тайного архива писателя на одном из обысков (у Теушей), над Солженицыным сгущаются тучи. Он отчаянно борется за возвращение архива и публикацию новых произведений, пишет дерзкое письмо начальству.

Солженицын вспоминает в «Теленке»: «<...> А наглое было в письме то, что именно теперь, когда мне уготовлялась „жилплощадь“ на Большой Лубянке, я заявлял, что в Рязани у меня слишком дурные квартирные условия и я прошу квартиру... в Москве!

В месяц моего короткого признания всем советским миром — московская квартира лежала передо мной готовая, да я и не брал ее, опасаясь замотаться в „столичной литературной суете“. Потом — мне уже и в Рязани не давали. А теперь, в самый угрожаемый и отчаянный момент предложили в Рязани на выбор — только бы не принимать меня в Москву. <...>».

29 декабря 1965 г. Решетовская телеграммой вызывает А. И. домой — он в это время работал над главами «Архипелага ГУЛАГ» в одном из своих новых «укривиц» — на отдаленном

эстонском хуторе. Они получили новую квартиру в Рязани на ул. Яблочкова, дом 1, кв. 11⁴⁴.

«Понятно, — заметит тогдашний председатель КГБ Семичастный, — что никто в правительстве не был заинтересован в том, чтобы Солженицын обосновался в Москве, где он постоянно притягивал и будоражил иностранцев, а потому местом жительства ему была определена Рязань».

В секретной записке от 4 октября 1965 г. в Секретариат ЦК Семичастный и генеральный прокурор Руденко писали: «Рукописи романа А. И. Солженицына „В круге первом“ и его пьес „Республика труда“ и „Пир победителей“ Прокуратура СССР и КГБ предлагают в порядке исключения подвергнуть конфискации с последующим хранением в архивах КГБ».

Правлению Союза писателей СССР рекомендовалось «провести партийные собрания и активы писательской общественности с вопросами повышения идеологической закалки творческих кадров», на собраниях объявляли, что захваченный архив Солженицына «концентрировался для отправки за границу»⁴⁵.

<...> Возле дома в Рязани околачивались какие-то типы. Кто-то с чемоданом невнятно ссылаясь на «Новый мир», твердил о необходимости срочного свидания с А. И., нервничал, торопился. Потом оказывалось, что журнал никого сюда не посылал⁴⁶.

После 1991 г. некоторые бывшие рязанские чекисты, из числа отставников, рассказывали членам Рязанского общества «Мемориал», какие хитроумные «оперативно-технические мероприятия» проводились ими по отношению к семье Солженицына, как начинена была микрофонами их новая квартира, как ползали офицеры в пойме и по кустам в Солотче, умудряясь пристроить «прослушку» к туристической палатке А. И...

* * *

В марте 1968 г. члены рязанской студенческой подпольной «группы Вудки»⁴⁷ встретились с Солженицыным в его квартире на Яблочкова. Солженицын был крайне осторожен, отказался оставить для прочтения рукопись Юрия Вудки. На вопрос «есть ли необходимость в марксистском осмыслении современной эпохи?» ответил, что сам в прошлом придерживался

⁴⁴ Координаты: 54 гр. 36' 52.11" сев. широты, 39 гр. 45' 42.29" вост. долготы, остановка общественного транспорта «Площадь Театральная».

⁴⁵ Сараскина Л. Александр Солженицын. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 350.

⁴⁶ Там же. С. 346.

⁴⁷ В конце 1960-х гг. в Рязани под руководством Юрия Вудки была создана молодежная организация, впоследствии получившая название «Марксистская партия нового типа». Члены группы дискутировали о внешней и внутренней политике СССР, экономической ситуации, пытались привлечь к участию в группе студентов в Рязани и некоторых других городах. В 1969 г. члены группы были арестованы КГБ и осуждены. Подробнее о «деле Вудки» см. в главе «Рязанский радиотехнический институт» в настоящем издании путеводителя.

Секретно

28 апреля 1969 г.

ЦК КПСС

При контроле литературы, поступающей в Советский Союз из-за границы, Главным управлением задержана бандероль, направленная А. Солженицыну (гор. Рязань) английским издательством „Бодли хед“. В бандероли содержится следующее письмо Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы, подписанное президентами этих организаций Джоржем Ф. Кеннаном и Ульямом Максвеллом <...>

В целях информации направляем упомянутое письмо, а также поступившие вместе с ним материалы. <...>

Начальник Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР Романов⁴⁸.

марксистских взглядов, но сейчас он назвал бы свои взгляды христианскими, и поэтому идеологический ракурс визитеров ему чужд⁴⁹.

* * *

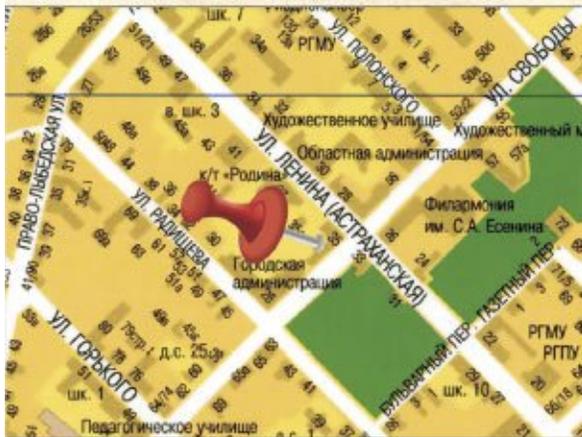
В 12-м номере неподцензурный машинописный информационный бюллетень правозащитников «Хроника текущих событий» сообщал подробности подготовки к исключению Солженицына из Союза писателей: «В начале ноября для „подработки“ исключения был вызван в Москву к Л. Соболеву (СП РСФСР) секретарь Рязанской писательской организации Э. Сафонов. Вернувшись в Рязань, он тотчас лег на операцию аппендицита. Утром 4 ноября начались вызовы четырех рязанских писателей по одному в отдел агитации и пропаганды обкома КПСС, где зав. отделом Шестопалов каждого из них готовил к тому, что Солженицына надо исключить (Е. Маркину была обещана квартира и после исключения был выдан ордер). Пятый же писатель, без которого не получалось кворума, Н. Родин, находился за двести километров, в г. Касимове, тяжело больной. По команде из Рязани секретарь Касимовского райкома КПСС принудил его сесть в райкомовскую машину и ехать. Родин вскоре вернулся с дороги, говоря, что он может умереть в пути, — секретарь райкома

⁴⁸ ЦХСД. Ф. 3. Оп. 61. Д. 82. Л. 211-215.

⁴⁹ Подробнее об этом см. в главе «Рязанский радиотехнический институт» настоящего путеводителя.

В этом здании⁵¹ Солженицына исключили из Союза писателей, Рязань. Фото 2008 г. Николая Середы, Рязанский «Мемориал»

заставил его ехать: «По дороге четыре больницы — Гусь Железный, Тума, Спас-Клепики, Солотча — будете заезжать к врачам». Шестопалов пришел в больницу к оперированному Сафонову и требовал его согласия на исключение Солженицына. <...>⁵⁰

Утром 4 ноября 1969 г. посыльная из рязанского отделения Союза писателей доставила Александру Солженицыну уведомление о совещании, посвященном «идейному воспитанию писателей». «Особенно приготовил я про это *идейное воспитание им вызвездить*», — вспоминает Александр Исачевич в «Теленке»...

«<...> Один за другим, без задержки, выступают братья-писатели: и обходительный Баранов, и простак Левченко, и чистая душа Родин, и тревожный лохматый Маркин. Маркин так явно колеблется

даже в своем выступлении: „Не хочу я участвовать в этом маятнике — сейчас мы А. И. исключаем, потом принимать, потом опять исключать, опять принимать...“, — и голосует за исключение. (Его б совсем немного поддержать, раньше мне выступить бы, что ли, — да вот как сошлось: добивался он два года комнаты — и завтра обещают ему ордер выписать. И Левченко сколько лет без квартиры. И Родин который год просится в Рязань — тоже не дают. <...>)

<...> За 20 минут я наговорил им много. Вижу — Маркин просто счастлив, слушает, как я их долблю, да и Родину через болезнь, через температуру нравится: им самим приятно, что хоть кто-то *сопротивляется*. А проголосовали — *покорно*.

<...> Еще в коридоре ловил меня Маркин, громко просил прощения (это — по хорошему Достоевскому, еще несколько

⁵⁰ Хроника текущих событий. 1970. №12 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/chr12.htm>

⁵¹ Координаты: 54 гр. 37' 34.43" сев. широты, 39 гр. 44' 55.02" вост. долготы, остановка общественного транспорта «Кинотеатр „Родина“». Ул. Ленина, 35.

раз он будет каяться, плакаться, на колени становиться и опять отрекаться, ему и правда тяжело, он душой и правда за меня, да грешное тело не пускает)⁵², — я скорей, скорей, и на переговоры. В Рязани я — в капкане, в Рязани меня додушить нетрудно, надо, чтобы вырвалась, вырвалась весть по Москве — и в этом только спасение. <...>

В 6 утра проснулся, включил по обычаю „Голос Америки“, безо всякой задней мысли — и как укололо: „По частным сведениям из Москвы, вчера в Рязани, в своем родном городе, исключен из писательской организации Александр Солженицын!“

<...> В рязанском обкоме переполошились! Оказывается: „И «Би-би-си» уже передает, что Солженицына исключили! Ясно, что у них в Рязани есть агентура, следят за нашей идеологической жизнью и моментально передают в Лондон!“ И догадались: посадить того же бездомного Левченко к телефону и на все звонки из Москвы отвечать, что он — посторонний, ничего не знает, никого не исключали. <...>⁵³

Анна Гарасева вспоминала: «<...> По приемнику я услышала сообщение с Запада, что Солженицын исключен из Союза писателей СССР, вернее — из Рязанской писательской организации, что было равносильно исключению из Союза вообще. Было это в два часа ночи. До шести часов утра я не спала, а уже в восемь сказала об этом сестре Татьяне. Я всегда старалась, чтобы она пореже появлялась у Решетовских, достаточно ей было и тех двадцати лет, которые она провела за решеткой, тем более что и „Би-би-си“, и „Свобода“, передавая сообщение о решении Рязанской писательской организации, высказывали опасение, что теперь Солженицыну не избежать вторичного ареста. А как раз за несколько дней до этого А. И. зашел к нам пригласить всех нас троих к ним на 7 ноября. Помнится, я спросила о его делах в Союзе писателей, потому что вокруг уже все поговаривали о возможности его исключения. Он только усмехнулся, сказав, что пока все в порядке: при встрече кланяются, улыбаются...

Тогда же, в восемь часов утра, я побежала к А. И. в „розовый дом“. Первое, что мне бросилось в глаза, подойдя к их двери: на лестничной площадке, маршем выше, стоят три молодчика, причем один явный дурак — в приметном, черном с красным

⁵² Через полгода Евгений Маркин напишет посвященное Солженицыну стихотворение «Белый бакен»: «<...> Каково по зыбким водам / у признанья не в чести / ставить вешки пароходам об опасностях в пути! / Ведь не зря ему, / саисая / с проходящего борта, / машет вслед: / — Салют, Исачик! — / незнакомая братва <...>». До конца своей короткой жизни Евгений Маркин будет мучаться раскаянием за недостаток решимости на том заседании 4 ноября 1969 г.

⁵³ Солженицын А. Бодалас теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1975 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/telenok.txt>

шарфе, выступающем из-под пальто... Открыла мне Мария Константиновна. Тотчас, услышав мой голос, вышел А. И. <...> Спросил меня — могу ли я подождать, пока он по свежей памяти запишет вчерашнее заседание, как оно шло, и кто с чем выступал, на это ему потребуется часа два, с тем чтобы я взяла себе на хранение один из экземпляров записи. Конечно, я была готова ждать, сколько было нужно. Он ушел к себе, а мы с Марией Константиновной уселись на кухне.

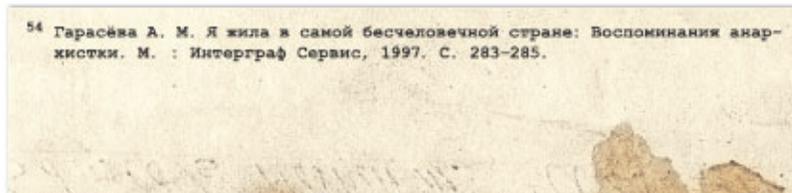
Чувствовалось, что все в доме были встревожены. Ожидали ли они ареста? На эту тему не говорили, но атмосфера была такой, что вот-вот кто-то должен был к ним вломиться. Так мы и просидели с ней на кухне часа два, не притрагиваясь к чаю.

Наконец А. И. вышел, передал мне листы <...>. Мы с Татьяной должны были перепечатать текст в нескольких экземплярах для него, а оригинал оставить у себя.

Едва я вышла из подъезда, за мной увязался все тот же дурак с черно-красным шарфом, который можно было заметить за два квартала. Шел он несколько в отдалении, однако не маскируясь, и я решила его проучить. Конечно, они прекрасно знали, кто я такая и где живу, по-видимому, просто хотели напугать. Во-первых, у нас в Рязани „ихняя“ школа, так что они привыкли тренироваться на рязанцах, а, во-вторых, все рязанские телефоны прослушиваются открыто, так что слышишь не только щелчки соединения и разъединения, но часто и дыхание, а иногда и приглушенный разговор. Поэтому я не была удивлена, а разозлилась и решила этого нахала проучить: до дома он меня не доведет! Сделать это не представляло особого труда. Неподалеку от „розового дома“ на улице Циолковского, как раз по дороге к нам, находился длинный гастроном с дверью на каждом его конце. Я вошла с улицы Циолковского, быстро пробежала через толпу, вышла на улицу, прошла под арку на улицу Урицкого, в то время как он остался разыскивать меня в толпе магазина...

Отчет о заседании Рязанской писательской организации мы перепечатали в тот же день, и А. И. отправил его дальше <...>⁵⁴.

С горечью Солженицын напишет в «Теленке»: «<...> Кончились ноябрьские праздники, посвободнели поезда — и я поехал в Москву. Еще не думал, что это — навсегда. Что жить мне в Рязани уже не судьба, исключением закрыли, забили мне крестнакрест Рязань. А как еще приезжал туда по беде, подходил к столу — а через окно-то, с уличного щита, все так же щурился на меня в кепочке Персонаж — так и проторчал он, год и другой, во все непогоды, перед моим покинутым окном — есть незавидность в избыточной славе. Я опять уехал, он опять остался. <...>»

Солженицын на встрече
с рязанскими студентами,
1994 г. Фото Евгения Каширина,
Рязанский «Мемориал»

* * *

В 1990 г. по инициативе Рязанского отделения историко-просветительского общества «Мемориал» и городского клуба избирателей Александру Исаевичу Солженицыну было присвоено звание почетного гражданина города Рязани. В октябре 1990-го депутаты городского Совета напишут Солженицыну в Кавендиш: «<...> Ваши книги и письма — противоядие, спасающее души людские от безумной отравы XX века <...>»

Осенью 1994 г. Александр Исаевич Солженицын, вернувшийся в Россию после 20-летнего изгнания, приедет в Рязань.

* * *

«<...> Для Международного общества „Мемориал“ огромное значение имеет труд Солженицына „Архипелаг ГУЛАГ“. В этом, по определению автора, „опыте художественного исследования“ ему удалось совместить два ранее разделенных потока памяти о государственном терроре: непосредственный личный опыт свидетелей и жертв крупнейшей национальной катастрофы столетия, и попытки критического осмысления известных и вновь открывшихся исторических фактов.

Основным итогом этой работы стало даже не столько новое знание о терроре, сколько обретение целостности исторического понимания. По существу „Архипелаг ГУЛАГ“ — это титаническая попытка создать новое национальное историческое сознание, альтернативное лживой, полной умолчаний и фальсификаций, официальной версии советской истории.

217

На многие годы вперед, вплоть до последних лет перестройки, «Архипелаг ГУЛАГ» стал одним из наиболее востребованных и наиболее преследуемых текстов самиздата. Его изымали на обысках, за его чтение или хранение выгоняли с работы и отчисляли из вузов, за его распространение и размножение арестовывали и судили. Однако, несмотря на это, экземпляры зарубежных изданий тайно ввозились в СССР, а здесь книгу в сотнях экземпляров печатали фотоспособом, копировали на множительных аппаратах и перепечатывали на пишущих машинках.

На Западе «Архипелаг ГУЛАГ» также произвел ошеломляющее впечатление как неопровержимое по достоверности свидетельство цены и итогов коммунистического эксперимента.

Канцелярская аббревиатура названия «Главное управление лагерей» стала метафорой, и слово «ГУЛАГ» вошло во все словари мира как одно из обозначений понятия «гуманитарная катастрофа политического происхождения и национального или глобального масштаба».

С «Архипелага ГУЛАГ» начинается новый этап в осмыслении отечественной истории XX века. Необходимость работы с прошлым во имя будущего стала очевидной для многих людей. Сначала такие люди насчитывались десятками, потом их стали сотни и тысячи. Попытки независимых исторических исследований в 1970-е, широкое общественное движение конца 1980-х, мемориальная работа, начавшаяся в 1990-е и продолжающаяся по сей день, — отправной точкой для всего этого был грандиозный «опыт художественного исследования», осуществленного Александром Солженицыным.

Теперь многие начнут говорить о «конце эпохи Солженицына». Мы категорически с этим не согласны. «Эпоха Солженицына», эпоха восстановления исторической памяти, не кончается с его уходом»⁵⁶.

Андрей Блинусов

218

⁵⁵ Владимир Сиротинин: «Одной книжицы на весь город было мало, и в Красноярске потом я сам печатал „ГУЛАГ“. Друзья передали фотопленки с отснятыми страничками, и с помощью фотоувеличителя я делал снимки. Так перефотографировал четыре экземпляра книги. Дело это было очень опасное — за „ГУЛАГ“ однозначно дали бы срок...»

⁵⁶ Памяти Александра Солженицына // Заявление общества «Мемориал». 2008. 4 авг. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hro.org/node/2935>